

СЕМАНТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ АДВЕРБИАЛЬНЫХ ВЫРАЖЕНИЙ НА БАЗЕ ОТГЛАГОЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ¹

Кустова Г. И. (galinak03@gmail.com)

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
Москва, Россия

В статье рассматривается репрезентативный класс абстрактных существительных — отглагольные имена (номинализации) — на одном из этапов процесса грамматикализации, а именно — на этапе превращения в адвербиальные выражения. Номинализации, вообще говоря, наследуют свойства глаголов (в частности, набор актантов), но для адвербиалов, сформированных на базе номинализаций, существуют системные ограничения на выражение валентностей исходной номинализации: у одного типа адвербиалов субъект системно не выражается (при этом он совпадает с субъектом главной предикации): *Пассажиры ходили по перрону в ожидании поезда* (**в ожидании поезда пассажирами*); у другого типа адвербиалов субъект обычно (хотя и не обязательно) выражается (при этом он не совпадает с субъектом главной предикации): *Приехал по приглашению дяди*; некоторые номинализации образуют оба типа адвербиалов (с разными предлогами): *при выборе товара* vs. *по выбору клиента*. Таким образом, адвербиалы имеют более ограниченные возможности по сравнению с исходными номинализациями, поскольку у номинализаций в принципе выразимы все глагольные валентности: *ожидание поезда пассажирами* = *кто ожидает чего*; *приглашение племянника дядей* = *кто пригласил кого* и т.д. В этом отношении адвербиалы аналогичны деепричастным и причастным формам глаголов, у которых тоже имеются системные запреты (или системные требования) относительно выражения тех или иных валентностей.

Ключевые слова: номинализация, адвербиал, валентность, грамматикализация

ADVERBIAL EXPRESSIONS BASED ON VERBAL NOUNS

Kustova G. I. (galinak03@gmail.com)

V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russia

---

¹ Работа выполнена при поддержке РФНФ, проект № 11-04-00223а и № 11-04-00488а.

The paper discusses a stage of abstract noun grammaticalization — namely, transformation into adverbial expressions, cf. *v ozhidanii* 'waiting', *pod okhranoj* 'under protection', *po priglaseniju* 'by invitation', *v blagodarnost'* 'in gratitude'. Two types of such adverbials are distinguished: 1) the agent of the adverbial is not expressed (*Passazhiry khodili po perronu v ozhidanii poezda* 'The passengers were strolling along the platform waiting for the train'); 2) the agent of the adverbial is necessarily expressed (*Prijekhal po priglaseniju djadi* 'came by invitation of his uncle'). In contrast to adverbials, nominalizations can express all arguments.

Key words: nominalization, adverbial, valence, grammaticalization

В статье рассматриваются обстоятельственные выражения типа *в надежде что сделать*; *под охраной кого*; *по приглашению кого* и т. п. (а также близкие к ним производные предлоги типа *под давлением кого / чего* и под.), сформировавшиеся на базе отглагольных имен (номинализаций). Номинализации интересны тем, что они имеют двойственную природу. С одной стороны, они сохраняют свойства глаголов, с другой — подвергаются характерной для падежных и предложно-падежных форм существительных адвербиализации. Обстоятельственные выражения, которым посвящена данная работа, отражают один из промежуточных этапов процесса грамматикализации отглагольных имен, который (процесс) заключается в постепенном превращении «обычных» существительных — через стадию адвербиалов — в производные предлоги. Для обозначения интересующих нас обстоятельственных выражений мы будем использовать термин **адвербиальные дериваты** (сокращенно — АД); этот термин используется, в частности, в работах И. М. Богуславского [Богуславский 2003; 2008] и удобен тем, что акцентирует и обстоятельную природу выражений типа *в ожидании*, *по просьбе* и под., и их производный характер (тем самым — связь с глагольной ситуацией).

Отглагольное существительное наследует многие важные свойства глагола и может выражать значения глагольных категорий — например, номинализация может отражать аспектуальные признаки глагола — длительность, завершенность и т. п.: *В ожидании поезда* — ждал (НСВ); *по просьбе X-a* — попросил (СВ). Этой проблематике посвящена большая литература, ср., например, [Падучева 1977; 2009; 2010]; [Пазельская 2008]; [Alexiadou 2001]; [Comrie 1980]; [Comrie & Thompson 1985]; [Filip 1999]; [Moltmann 2005]; [Nichols 1988]; [Rappaport 1992]; [Rozwadowska 1988; 1997; 2000]. В [Пазельская 2008], в частности, показано, что на объем и характер унаследованных от глагола свойств существительного влияет множество факторов — тип исходного глагола, количество и тип валентностей, суффикс, позиция в предложении и др.

Нас в данной работе будут интересовать валентные свойства номинализаций. Одной из главных проблем в этой области (ей посвящена целая серия работ Е. В. Падучевой) является проблема способов и возможностей выражения глагольных (унаследованных) валентностей.

В [Падучева 2010] исследуется, какими формами — родительным, творительным, притяжательным местоимением (*исполнение концерта Рахманиновым; исполнение Рахманинова; ваше исполнение концерта*) — выражаются валентности субъекта и объекта при отглагольном имени и каковы корреляции между этими способами выражения глагольных актанта. При этом Е. В. Падучева не выделяет адвербиальные дериваты как особую группу номинализаций, а рассматривает их вместе с другими номинализациями, т. е. случаи типа *охотник продолжал преследование волка и концерт в исполнении Рахманинова* рассматриваются в одном ряду.

И. М. Богуславский рассматривает выражения типа *в подарок, по привычке*, по приказу как адвербиальные дериваты исходных предикатных имен (и соответствующих глаголов), что является продолжением и развитием подхода, принятого в теории лингвистических моделей «Смысл ⇔ Текст» (см. [Мельчук 1974/1999]; [Апресян 1974]; согласно теории «Смысл ⇔ Текст», выражения типа *с победой* или *под арестом* должны включаться в словарную статью отглагольного существительного как разновидность лексической функции Adv, ср. [Мельчук 1974/1999: 115; 123]). В [Богуславский 2008] рассматривается вопрос, как заполняются пассивные валентности таких единиц, т. е. валентности, которые не выражены синтаксически зависимыми формами. Например, адресат адвербиала *по приказу (кто приказал кому)* в предложении может совпадать с подлежащим при активном главном глаголе: *По приказу командующего войска перешли в наступление*, — но может и не совпадать с подлежащим, если глагол употреблен в пассивной форме: *По приказу Шуйского была построена плотина* (кем-то, кому приказали); при этом «адвербиал по привычке жестко требует для своего актанта («чья привычка» — Г. К.) позиции подлежащего: *Переселенцы и на новом месте по привычке строили дома у реки vs. ??Дома и на новом месте по привычке строились (переселенцами) у реки*» (примеры из [Богуславский 2008: 125]). И. М. Богуславский приходит к выводу, что способы выражения пассивных валентностей адвербиалов нельзя «вычислить» по исходному глаголу, поэтому их надо указывать в словаре, в специальной словарной статье соответствующего адвербиала.

В данной работе мы рассмотрим другой аспект функционирования адвербиальных дериватов — а именно, системные требования к синтаксическому выражению их валентностей, т. е. попытаемся ответить на вопрос: когда синтаксическое выражение валентностей АД системно предусмотрено, а когда оно системно ограничено (запрещено)? При этом АД будут рассматриваться не просто как номинализации, но именно как редуцированные формы — и по отношению к глаголу, и по отношению к «обычной» номинализации, — формы, синтаксические свойства которых зависят не только от состава унаследованных от исходного глагола валентностей, но и от функции и значения самого адвербиала в предложении.

Мы будем исходить из того, что в парадигму слов некоторой части речи могут входить как ядерные, так и «редуцированные», периферийные формы. Ядерные формы выполняют основную синтаксическую функцию данной части речи, периферийные — функции, свойственные другим частям речи. Так,

ядерной частью глагольной парадигмы в русском языке являются предикативные (финитные) формы. В периферийную часть глагольной парадигмы входят нефинитные формы — деепричастия и причастия, — которые наследуют ряд важных признаков глагола (хотя при этом не могут выполнять основную его функцию — главного сказуемого; более сложная ситуация с инфинитивом, но его мы здесь не рассматриваем), но в то же время обнаруживают признаки других частей речи — прилагательных и наречий (авторы, которые считают эти неглагольные признаки доминирующими, даже рассматривают причастия и деепричастия не как формы глагола, а как особые части речи, ср. [Тихонов 1987]).

У существительных тоже бывают периферийные формы — адвербиальные дериваты (ср. *сбоку, на ходу*), — однако они рассматриваются не как часть именной парадигмы (подобно причастиям и деепричастиям в глагольной парадигме), а как утратившие связь с исходным существительным. Для «обычных» существительных такой подход можно считать правомерным, однако с отглагольными существительными ситуация другая. Поскольку номинализации коррелируют с глаголами, в их парадигме также можно усматривать два рода форм — ядерные и периферийные: к ядерным относятся управляемые падежные формы, которые в предложении являются подлежащими и дополнениями, к периферийным — адвербиальные дериваты. При этом парадигмы глаголов и отглагольных существительных обычно не сравниваются, т.к. их ядерная часть включает формы совершенно разной природы — предикативные (финитные) у глагола и управляемые у имени. Однако их вполне можно сравнить в периферийной части — на уровне адвербиальных дериватов глаголов и номинализаций.

Прежде чем перейти к рассмотрению АД, кратко остановимся на свойствах «обычных» — управляемых — номинализаций.

Примечание. Строго говоря, при обсуждении способов и возможностей выражения глагольных валентностей номинализации нужно делить не на два класса (управляемые формы и адвербиальные дериваты), а на три — необходимо учесть еще функционирование номинализаций в составе аналитических предикатов типа *оказать помощь, обратиться с просьбой* и под., т.е. в контексте лексико-функциональных глаголов (лексических функций в терминологии модели «Смысл ↔ Текст»). Варианты поведения номинализаций в контексте полупомогательных глаголов (ср. *оказывать влияние vs. находиться под влиянием / испытывать влияние / подвергаться влиянию vs. имеет место влияние*), в частности, правила выражения или не-выражения тех или иных валентностей (например, в составе глагольно-именного оборота *Х обратился с просьбой о Р* субъект *просьбы* *Х* синтаксически не выражается, т.к. семантически совпадает с подлежащим лексико-функционального глагола *Х обратился*) подробно описаны в работах представителей модели «Смысл ↔ Текст» ([Мельчук 1974/1999]; [Апресян 1974: 45–48]). Мы присоединяем эти случаи к управляемым формам и будем исходить из противопоставления управляемых номинализаций и адвербиалов.

У управляемых номинализаций в принципе выразимы все глагольные валентности: *ожидание поезда встречающими; присутствие понятых при обыске; проверка документов аудиторами; участие прокуроров в рассмотрении дел судами; выбор товара покупателем; наблюдение инструктора за выполнением упражнений; охрана посольства автоматчиками; просьба студентов к преподавателю о переносе лекции* и т. п. Однако такая идеальная картина наблюдается только в словаре (в изолированном состоянии). В конкретных предложениях ситуация с выражением валентностей у номинализаций может быть разной.

Если у исходного глагола три валентности (как, например, у глаголов речи — субъект, адресат и содержание), у номинализаций обычно выражается две валентности, а не три — либо субъект и содержание (*Просьба студентов о переносе лекции осталась без ответа; Откликнулся на просьбу студентов о переносе лекции; Отказал студентам в их просьбе о переносе лекции*), либо адресат и содержание (*Неоднократные просьбы к администрации Пушкинского района и милиции пресечь незаконную уличную торговлю остались неслышанными* [«Неприкосновенный запас», 2010]; *Второе — просьба к Президенту о скорейшей встрече с представителями рыбаков* [«Рыбак Приморья», 2003.01.09]).

Но даже если у исходного глагола две валентности, они тоже не всегда выразимы в полном объеме: иногда нельзя выразить объект, иногда — субъект. В таких случаях Е. В. Падучева говорит о полной и редуцированной диатезе отглагольного имени. Под редуцированной диатезой понимается невозможность выражения при существительном какого-л. актанта в силу «позиции в предложении» [Падучева 2010: 25], например:

(а) *Картина изображает преследование оленя волком* (полная диатеза);

(б) *Волк продолжал преследование оленя* (*олень* — объект; бессубъектная редуцированная диатеза, ср. **Волк продолжал преследование оленя волком*);

(в) *Олень спасался от преследования волка* (*волка* — субъект; безобъектная редуцированная диатеза) (мы используем примеры Е. В. Падучевой в несколько измененном виде).

Адвербиальный дериват включается в предложение не в качестве управляемой формы, а в качестве свободного обстоятельства (детерминанта): *приехал по просьбе друга; по просьбе друга он взял удочки и надувную лодку*; иногда адвербиальные дериваты могут выступать также в качестве присубстантивного члена: *пикет в защиту заключенных; курс по выбору*.

Адвербиальные дериваты — это своего рода застывшие формы, устойчивые обороты, особые конструкции, которые имеют определенное (обычно обстоятельственное) значение (цель, причина, время, условие и под.), являющееся результатом взаимодействия значения предлога и собственной семантики отглагольного имени, ср. *при желаниии, по совету, в благодарность за, под влиянием* и под.

Адвербиальный дериват выражает редуцированную («свернутую») предикацию, которая является добавочным, дополнительным сообщением по отношению к основной предикации, выраженной главным глаголом, и вступает в определенные смысловые отношения с главной предикацией. В этом смысле АД аналогичны деепричастным и причастным оборотам, а также обстоятельственным придаточным, т. е. пропозициям в адвербиальной функции.

АД занимают промежуточное положение между «полноценными» номинализациями, у которых, в принципе, выразимы все актанты, и производными предлогами, у которых нередко происходит коренная перестройка актантной структуры и значения исходного существительного

Примечание. Ср., например, абстрактное существительное *причина* и производный предлог *по причине*. Выражение *причина пожара* предполагает, что ‘у пожара есть причина’, а выражение *по причине пожара* значит, что ‘пожар и есть причина’, т. е. у производного предлога по сравнению с исходным существительным семантика и синтактика существенно перестраивается, и родительный падеж — не та валентность, что у существительного *причина*, а само выражение *по причине пожара* превращается в аналог «обычной» предложной группы, например — *из-за пожара*. АД не настолько отличаются от управляемых отглагольных существительных, но тем не менее они теряют способность выражать полный набор актантов исходного существительного (ср. идущую от Л. В. Щербы идею разграничения собственно служебных и строевых слов, развиваемую в работах Г. Е. Крейдлина, ср. [Крейдлин 1982]).

Отличие АД от управляемых номинализаций с точки зрения возможности выражения актантов состоит в следующем. Поскольку неизвестно, с каким глаголом будет связано управляемое отглагольное имя, мы не можем заранее сказать, какие глагольные валентности сможет выразить номинализация в том или ином конкретном предложении. У адвербиальных дериватов, наоборот, заранее известно, какая валентность может быть выражена — или не может быть выражена — зависимыми падежными формами, т. к. у них СИСТЕМНО зафиксировано — или СИСТЕМНО заблокировано — выражение одного из актантов.

Принципы рассмотрения управляемых номинализаций и адвербиальных дериватов существенно различаются. В случае управляемой номинализации мы рассматриваем ОДНУ предикацию (и ее валентности), в случае адвербиального деривата — ДВЕ предикации: главную (сказуемое) и редуцированную (АД). В зависимости от соотношения этих двух предикаций (и отображаемых ими ситуаций) можно выделить две основные группы адвербиальных дериватов.

В ПЕРВУЮ группу входят АД, которые описывают действие ТОГО ЖЕ субъекта, что и главный предикат. В первой группе системно НЕ выражается субъект АД — он кореферентен субъекту главного глагола, т. е. совпадает с подлежащим, — поэтому такие АД условно можно назвать кореферентными. При этом вторая валентность АД (если она есть) — объектная или иная

- может выражаться: *Пассажиры ходили по перрону в ожидании поезда* = ожидая поезда (X ходил, X ждал поезда); *Пришел в надежде поговорить* = надеясь (X пришел, X надеется поговорить);
- может не выражаться: *Пассажиры в волнении ходили по перрону* = X ходил, X волновался (у предиката волноваться, вообще говоря, есть вторая валентность — причина: X волнуется из-за Р, но она в данном случае не выражается);

- может вообще отсутствовать: **В горячке он не заметил, как выронил ключи.**

Кореферентный АД условно соответствует деепричастию: деепричастный оборот имеет такое же соотношение с главным глаголом. Аналогичное соотношение (совпадение) субъектов может встречаться в главном и придаточном предложении (ср. придаточные цели с инфинитивом: *Пришел, чтобы поговорить* — X пришел, X хочет поговорить).

Во ВТОРУЮ группу входят АД, которые описывают действие ДРУГОГО субъекта (в примерах — Y, или Сб-2), отличного от субъекта главного глагола (в примерах — X, или Сб-1). Поэтому их условно можно назвать некорреферентными. Во второй группе субъект АД не совпадает с субъектом главного предиката, поэтому его можно выразить (но можно и не выражать):

Он [Сб-1] явился на допрос в сопровождении адвоката [Сб-2] = сопровождаемый адвокатом;

Спортсмен [Сб-1] делал упражнения под наблюдением тренера [Сб-2] = «наблюдаемый» тренером, ср. также без выраженного субъекта: занимался под наблюдением.

При этом не важно, имеет ли субъект адвербиального деривата реальное синтаксическое выражение, ср.: *закон был принят [X-ом] под давлением общественности [Y-a]* vs. *закон был принят [X-ом] под давлением [→ Y-a]*. Все равно АД выражает действие другого субъекта, и синтаксическое место при нем предназначено именно для этого субъекта. Такой оборот, вообще говоря, соответствует страдательному причастию (или «некорреферентному» деепричастию в тех языках, где такие деепричастия допускаются).

Здесь мы должны сделать некоторые пояснения, касающиеся страдательных форм. В связи с нашим материалом необходимо различать страдательную форму в качестве главного предиката и страдательную конструкцию в качестве дополнительной предикации (причастного оборота). Страдательная форма главного предиката просто показывает, что подлежащим является не-первый актант глагола, — и как таковая ничего не дает для анализа АД. Страдательный оборот в качестве дополнительной предикации является показателем «разносубъектности» главной и зависимой предикаций (ср.: *эксперт, приглашенный на заседание — 'пришел эксперт; его пригласило другое лицо'* — иначе было бы *эксперт, пригласивший...*). В этом смысле страдательный оборот — лишь частный случай разносубъектности. Аналогично устроена разносубъектная каузативная конструкция, ср.: *Он поговорил с начальником по просьбе дяди* (X поговорил, т. к. Y попросил); *Он ушел пораньше с разрешения дежурного* (X ушел, т. к. Y разрешил).

Что касается выражения не-субъектных актантов — объекта или адресата, то у некорреферентных АД они обычно не выражаются синтаксически зависимыми формами, но, разумеется, соответствующий семантический материал имеется в предложении (проблема семантического заполнения синтаксически не выраженных валентностей адвербиальных дериватов подробно рассматривается в уже упоминавшейся работе [Богуславский 2008]).

Таким образом, для управляемой номинализации главный вопрос — что из имеющихся актантов этой номинализации можно выразить синтаксически: субъект, объект или и то и другое. Для адвербиального деривата вопрос ставится

иначе: совпадает ли субъект АД с субъектом главной предикации; если да — его нельзя выразить; если нет — обычно можно (хотя это не всегда обязательно).

Таким образом, если возможности выражения валентностей у управляемой номинализации нужно анализировать в каждом конкретном предложении, то у АД эти возможности заранее известны. Легко убедиться, что если заданная схема нарушается, то мы имеем дело не с АД, а с управляемой номинализацией. Например, АД *в сопровождении кого* — некорреферентный, т. е. описывает действие другого лица:

Подозреваемый (X=Сб-1) *явился на допрос в сопровождении охранника* (Y=Сб-2) = X пришел, Y сопровождал. Т.е. в таком обороте может быть выражен только субъект-2 адвербиального деривата, отличный от субъекта-1 главного глагола, но не объект сопровождения (который здесь совпадает с субъектом главной ситуации — подозреваемым). Следовательно, предложение *Охранник явился на допрос в сопровождении подозреваемого* не будет означать, что ‘охранник пришел, сопровождая подозреваемого’, а будет означать, что подозреваемый каким-то образом получил контроль над охранником (т.е. стал субъектом сопровождения) и привел охранника на допрос. Таким образом, у АД *в сопровождении кого* всегда выражается субъект сопровождения (‘кто сопровождает’). Однако на управляемую номинализацию — *сопровождение кого кем* — этот системный запрет ни в коей мере не распространяется, при управляемой номинализации в родительном падеже может стоять и объект (‘кого сопровождают’): *Истребители* (Сб) *участвуют в сопровождении штурмовиков* (Об) *и бомбардировщиков*. Возможно также одновременное выражение объекта и субъекта: *Нет ничего странного в сопровождении колонны* (Об) *военной техники автоматчиками* (Сб-1) — при этом субъекта-2 здесь вообще нет.

На свойства и поведение АД влияет семантика предлога и семантика отглагольного существительного. Обычно при определенном предлоге бывает определенный тип АД.

Так, с предлогом *В*, как правило, образуются некорреферентные («разно-субъектные») обороты, т.е. зависимая форма при них обозначает субъекта второстепенной предикации. В зависимости от семантического класса существительного можно выделить несколько групп таких оборотов: (*соната*) *в исполнении автора*, (*Хлестаков*) *в изображении Гоголя*, ср. также *в постановке / в переводе / в пересказе / в изложении / в переделке / в обработке кого*. К ним примыкает группа: *в оценке экспертов*, *в определении критиков*, *в трактовке Канта*, *в интерпретации Рихтера*, ср. также *в представлении обывателя*, *в понимании школьников* (ср. управляемую номинализацию: *эксперты были единодушны в своей оценке проекта*: проекта = объект). Другая группа — *в присутствии понятых*, *в сопровождении охраны*, *в окружении учеников*, к ним примыкают обороты с неотглагольными именами: *появляется на лыжных курортах в компании / в обществе девушек*.

Интересной особенностью некорреферентных адвербиальных дериватов с предлогом *В* является невозможность выражения субъекта творительным падежом, ср. **Хлестаков в изображении Гоголем*; **Явился на допрос в сопровождении адвокатом*, при том что для управляемых номинализаций творительный

субъекта как раз весьма характерен, ср. *сопровождение колонны автоматчиками*. Однако мы сейчас не можем углубляться в эту проблему.

С предлогом *В* бывают и кореферентные обороты — *в ожидании, в надежде, в стремлении* (см. выше), но в них участвует совершенно другой семантический класс существительных — внутренние (психологические) состояния человека.

Примечание. Обороты от предикатов с симметричными актантами имеют еще один предлог и присоединяют этот симметричный актанта: *в союзе / в соавторстве / в согласии / в разладе / в дискуссии / в перепалке / в перебранке / в конкуренции / в сговоре с кем*; ср. также другие обороты с двумя личными актантами: *в тайне / в секрете от кого; в подчинении у кого; в оппозиции к кому*. Вообще, обороты с двумя предлогами — это особая тема, которую мы здесь не затрагиваем.

Большинство оборотов с **причинным** (в широком смысле) значением не-кореферентны, т. е. их зависимая форма выражает субъекта, отличного от субъекта главной предикации: [*Х*] *под защитой, под охраной, под присмотром* [*У-а*]; *под влиянием, под воздействием, под давлением; под угрозой, под страхом; с разрешения, с позволения, с согласия; по приказу, по совету, по просьбе, по настоянию, по рекомендации, по требованию, по поручению, по указу, по указанию, по указке, по приглашению, по назначению [врача], по предложению, по приговору, по решению, по доносу; по завещанию, по завету*.

Исключения здесь, как и в предыдущем классе, связаны с семантикой существительного: если существительное обозначает внутреннее состояние человека или неконтролируемую ситуацию с его участием, АД является кореферентным, т. е. относится к тому же субъекту, что и главная предикация: *по недомыслию, по неосторожности, по недосмотру, по ошибке, по незнанию* и т. п., ср.: *Он по незнанию нажал на кнопку* = ‘*Х* не знал (чего-то) и поэтому *Х* нажал на кнопку’. Аналогично (т. е. кореферентно) устроен АД с предлогом *от* и с названиями эмоций, ср. *от страха, от отчаяния: Он от страха стал нажимать на все кнопки подряд* = ‘*Х* стал нажимать, потому что *Х* испугался’; ср., однако: *От ветра открылась форточка* = ‘форточка (*Х*) открылась, потому что ветер (*У*) дул’ (ветер — не внутреннее состояние *Х-а*, а внешняя причина главной ситуации).

Существенно иначе ведут себя адвербиальные дериваты с временным, условно-временным и условным значением: в их поведении обнаруживается меньше ограничений, чем у рассмотренных выше типов АД.

Большинство встретившихся в Корпусе АД с предлогом **ПРИ** во **временном** значении являются кореферентными, т. е. их невыраженный субъект совпадает с субъектом главного предиката (при АД может выражаться объект): *При проверке работы будьте внимательны* = ‘когда вы будете проверять, вы будьте внимательны’; *При проверке финансовых документов аудиторы обнаружили недостачу* = ‘когда *Х* проверял, *Х* обнаружил’. Речь идет о кореферентности именно с семантическим субъектом, а не формальным подлежащим главной предикации. При этом сам главный глагол может стоять в пассивной форме (т. е. его подлежащим будет объект):

При проверке была обнаружена недостача = ‘когда X проверял, X обнаружил’;
При подсчете голосов были допущены нарушения = ‘когда X подсчитывал голоса, X допустил нарушения’;

возможно также главное сказуемое в форме безличного глагола или безличного предикатива, когда нет материального подлежащего или оно неканоническое (в дательном падеже):

При совершении некоторых операций нужно быть особенно внимательным;
При одном взгляде на него [каждому] становится ясно...

Интересно, что если в главной предикации субъект не выражен, возможно выражение субъекта в АД: *При проверке документов аудиторами обнаружались нарушения*; ср. также пример из Корпуса: *При проверке работы поликлиники комиссией Московского областного отдела здравоохранения...*

Примечание. Не исключено, что возможно выражение субъекта при обеих предикациях — подчиненной (АД) и главной: ?*При проверке документов аудиторами один из них обнаружил растрату* — впрочем, такие примеры нам пока не встретились.

Возможно также некорреферентное употребление АД с предлогом *ПРИ*:

Но при проверке документов Багдасарян и Степанян сбежали, оставив сумку с устройством в зале. [А. Д. Сахаров. Воспоминания (1983–1989)] = ‘когда Y проверял документы, X сбежал’.

Среди **условных** АД также встречаются как корреферентные (*При утере документа немедленно сообщайте дежурному*), так и некорреферентные (*При возгорании немедленно сообщайте дежурному*; *При попытке открыть замок включается сигнализация*) употребления.

Таким образом, временные и условные АД похожи скорее не на деепричастные и причастные обороты, у которых есть строгие (системные) ограничения на выражение того или иного (заранее определенного) актанта и на соотношение с главной предикацией, а на обстоятельственные придаточные, в которых, вообще говоря, могут выражаться разные актанты подчиненной предикации.

Разобранный материал свидетельствует о том, что разные АД находятся на разных ступенях грамматикализации и их поведение регулируется множеством факторов, которые нуждаются в подробном изучении. Так, группа АД с временным и условным значением находится на менее продвинутой ступени грамматикализации по сравнению с оборотами типа *в сопровождении* или *под присмотром*, а именно: (1) у таких АД ослаблено требование невыразимости субъекта АД при корреферентном употреблении (ср. *допустимое при проверке работы комиссией* || *были обнаружены нарушения* и недопустимое: **В ожидании поезда пассажирами бродили по перрону* [пассажиры]; ср. также при некорреферентном употреблении: **В ожидании поезда пассажирами было объявлено о задержке прибытия*); (2) у таких АД возможна корреферентная и некорреферентная интерпретация не только при одном и том же предлоге, но и при одном и том же существительном: *при проверке [X] обнаружили [X]* vs. *при проверке [Y] сбежали [X]*.

Примечание. В принципе, не исключено, чтобы одно и то же существительное могло входить в разные конструкции — кореферентную и некорреферентную, — но обычно это конструкции с разными предлогами:

При выборе товара будьте внимательны = выбирая: вы выбираете, вы внимательны;

Фирма доставит любую модель по выбору клиента = выбранную: клиент выберет, фирма доставит (при этом надо иметь в виду, что совпадение ситуаций, обозначенных существительным *выбор*, не полное, а именно — различается их аспектуальная характеристика: *при выборе* = когда выбираете (НСВ), а *по выбору* = то, что выбрал (СВ)).

Итак, мы попытались показать, что адвербиальные дериваты имеют существенно иные свойства, чем управляемые номинализации, и их в первую очередь нужно сопоставлять не с управляемыми номинализациями, а с периферийными глагольными формами в составе зависимых (редуцированных) предикаций типа деепричастных и причастных оборотов, а также с обстоятельственными придаточными.

Адвербиальные дериваты представляют собой определенную ступень грамматикализации, промежуточную между «свободными» номинализациями и производными предлогами. АД стоят на более «высокой» ступени, чем производные предлоги, но по сравнению со управляемыми номинализациями свойства АД системно редуцированы, а именно:

(1) управляемая номинализация сохраняет — в принципе — полный набор возможностей выражения актантов (хотя не в каждом конкретном контексте выражаются они все); у АД один из актантов системно невыразим — или, наоборот, выразим (причем заранее известно, какой именно), — потому что АД — это редуцированная форма, с самого начала предназначенная для того, чтобы «сопровождать» другой глагол и обозначать ситуацию, определенным образом связанную с главной ситуацией (т. е. если для управляемой номинализации решается вопрос о выразимости ее субъекта и объекта, то для АД решается вопрос о соотношении субъектов главной и второстепенной предикации, и уже этим определяется возможность выражения субъекта АД как подчиненной предикации; что касается выражения объекта АД, то оно происходит «по остаточному принципу»);

(2) для АД, как и для других редуцированных предикаций (деепричастий, причастий) важной характеристикой является кореферентность / некорреферентность с субъектом основной предикации.

Эти две важнейшие — и связанные между собой — характеристики (кореферентность / некорреферентность с субъектом основной предикации и выразимость / невыразимость какого-л. актанта) сближают АД не только с деепричастиями и причастиями, но также с производными предлогами.

АД — это готовые формы, которые, вообще говоря, должны фиксироваться в словарях на том же основании, что и производные предлоги, однако большинство существующих словарей построены по «номинативному» принципу,

поэтому не могут иметь таких «входов», как *по просьбе* или *в защиту* (о необходимости создания неноминативных словарей мы подробно пишем в других работах, см. [Кустова 2008а; 2008б; 2011]). В то же время у адвербиальных дериватов есть и системные, «регулярные» свойства, которые могут описываться в грамматиках.

Литература

1. *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. М., 1974.
2. *Богуславский И. М.* Замечания об актантной структуре адвербиальных дериватов // *Die het kleine eert, is het grote weerd.*, Uitgeverij Pegasus, Amsterdam, 2003. P. 23–40. (Pegasus Oost-Europese Studies 1).
3. *Богуславский И. М.* Актантное поведение адвербиальных дериватов // *Динамические модели: Слово. Предложение. Текст.* Сб. статей в честь Е. В. Падучевой. — М.: ЯСК, 2008. С. 110–128.
4. *Крейдлин Г. Е.* Служебные и строевые слова // *Семантика служебных слов.* Межвузовский сборник научных трудов. — Пермь, 1982, изд-во ПермГУ.
5. *Кустова Г. И.* О «неноминативных» электронных словарях // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии.* Труды международной конференции «Диалог-2008». — М, 2008а. С. 297–302.
6. *Кустова Г. И.* Обстоятельственные группы типа во всяком случае в современном русском языке // *Инструментарий русистики: корпусные подходы.* Slavica Helsingiensia 34. — Хельсинки, 2008б. С. 126–139.
7. *Кустова Г. И.* Конструкции с абстрактными существительными и их отражение в электронном словаре // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии.* Труды международной конференции «Диалог-2011». — М, 2011. С. 379–390.
8. *Мельчук И. А.* Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ⇔ Текст». — М., 1974 (2-е изд. — 1999).
9. *Падучева Е. В.* О производных диатезах отпредикатных имен в русском языке // *Проблемы лингвистической типологии и структуры языка.* — М., 1977. С. 84–107.
10. *Падучева Е. В.* Посессивы и имена способа действия // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии.* Труды международной конференции «Диалог 2009». — М., 2009. С. 365–372.
11. *Падучева Е. В.* Актантная структура и диатеза отглагольного имени // *Научно-техническая информация.* Сер. 2. Информационные процессы и системы. — 2010, № 6. С. 24–30.
12. *Пазельская А. Г.* Образование отглагольных существительных и актантные преобразования в русском языке // *Динамические модели: Слово. Предложение. Текст.* Сб. научных трудов в честь Е. В. Падучевой. — М.: ЯСК, 2008. С. 634–645.
13. *Тихонов А. Н.* Морфология // *Современный русский язык.* В 3 ч. Ч. 2. Н. М. Шанский, А. Н. Тихонов. Словообразование. Морфология. — М., 1987.

14. *Alexiadou, Artemis*. Functional Structure in Nominals. — Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins, 2001.
15. *Comrie, Bernard*. Nominalization in Russian: lexical noun phrases or transformed sentences? // C. V. Chvany & R. D. Brecht (eds.). Morphosyntax in Slavic. — Columbus, 1980. P. 212–220. — Рус. пер.: Комри Б. Номинализация в русском языке: словарно-задаваемые именные группы или трансформированные предложения? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. — М., С. 42–49.
16. *Comrie, Bernard & Sandra A. Thompson*. Lexical nominalization. // Shopen, Timothy. (ed.). Language typology and syntactic description. Vol. 2–3. — Cambridge, 1985, vol. 3. P. 349–398.
17. *Filip, Hana*. Aspect, eventuality types and noun phrase semantics. — New York, London: Garland Publishing, 1999.
18. *Moltmann, Frederike*. Nominalizations, Events, and Other Concrete Objects. — Ms., University of Stirling, 2005.
19. *Nichols, Johanna*. Nominalization and assertion in scientific Russian prose. // John Haiman & Sandra A. Thompson (eds.). Clause Combining in Grammar and Discourse. — Amsterdam; Philadelphia, 1988. P. 349–428.
20. *Rappaport, Gilbert C.* On the adnominal genitive and the structure of noun phrases in Russian and Polish // Linguistique et Slavistique. Melanges offerts a Paul Garde. Eds. M. Guiraud-Weber, C. Zaremba. — Paris, 1992. P. 241–262.
21. *Rozwadowska B.* Thematic Restrictions on Derived Nominals // Syntax and Semantics 21: Thematic Relations. Ed. W. Wilkins. — San Diego, CA: Academic Press, 1988. P. 147–66.
22. *Rozwadowska B.* Towards a unified theory of nominalizations. External and internal eventualities. — Wroclaw, 1997.
23. *Rozwadowska B.* Event Structure, Argument Structure and the by-phrase in Polish Nominalizations // Lexical Specification and Insertion. Eds. P. Coopmans, M. Everaert, J. Grimshaw. — Amsterdam; Philadelphia, 2000. P. 329–347.

References

1. *Alexiadou, Artemis* (2001), Functional Structure in Nominals, John Benjamins, Amsterdam-Philadelphia.
2. *Apresjan Ju. D.* (1974), Lexical Semantics [Leksicheskaja semantika], Nauka, Moscow.
3. *Boguslavskij I. M.* (2003), On the argument structure of adverbial derivatives [Zamechanija ob aktantnoj structure adverbial'nyh derivatov] // Die het kleine eert, is het grote weerd., Uitgeverij Pegasus (Pegasus Oost-Europese Studies 1), Amsterdam, pp. 23–40.
4. *Boguslavskij I. M.* (2008), Argument behavior of adverbial derivatives [Aktantnoe povedenie adverbial'nyh derivatov], in: Dynamic models: Word. Sentence. Text. [Dinamicheskie modeli: Slovo. Predlozhenie. Tekst], JaSK, Moscow, pp. 110–128.

5. *Comrie, Bernard & Sandra A. Thompson* (1985), Lexical nominalization, in: Shopen, Timothy. (ed.). Language typology and syntactic description. Vol. 2–3, Cambridge, vol. 3, pp. 349–398.
6. *Comrie, Bernard* (1980), Nominalization in Russian: lexical noun phrases or transformed sentences?, in: C. V. Chvany & R. D. Brecht (eds.). Morphosyntax in Slavic, Columbus, pp. 212–220.
7. *Filip, Hana* (1999), Aspect, eventuality types and noun phrase semantics, Garland Publishing, New York, London.
8. *Krejdlin G. E.* (1982), Auxiliary and structural words [Sluzhebnye i stroevye slova], in: Semantics of auxiliary words [Semantika sluzhebnyh slov], Perm' Univ. Press, Perm'.
9. *Kustova G. I.* (2008a), About «non-nominative» dictionaries (lexical databases) [O nenominativnyh elektronnyh slovarjah], Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference «Dialogue» (2008) [Komp'juternaia Lingvistika i Intellektual'nye Tehnologii: Trudy Mezhdunarodnoj Konferentsii "Dialog 2008"], Issue 7 (14), Moscow, pp. 297–302.
10. *Kustova G. I.* (2008b), Adverbial phrases like in any case in modern Russian [Obstoitel'stvennye gruppy tipa vo vsjakom sluchae v sovremennom rusском jazyke], Slavica Helsingiensia, 34, Helsinki, pp. 163–175.
11. *Kustova G. I.* (2011), Constructions with abstract nouns in an electronic database [Konstruktsii s abstraktnymi sushchestvitel'nyimi i ih otrazhenie v elektronnom slovare], Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference «Dialogue» (2011) [Komp'juternaia Lingvistika i Intellektual'nye Tehnologii: Po Materialam Ezhegodnoj Mezhdunarodnoj Konferentsii "Dialog 2011"], Issue 10 (17), Moscow, pp. 379–390.
12. *Mel'chuk I. A.* (1974/1999), An experience of linguistic theory «Meaning ⇔ Text» [Opyt teorii lingvisticheskikh modelej «Smysl ⇔ Tekst»], Moscow (2-nd edition — 1999).
13. *Moltmann, Frederike* (2005), Nominalizations, Events, and Other Concrete Objects, University of Stirling, Ms.
14. *Nichols, Johanna* (1988), Nominalization and assertion in scientific Russian prose, in: John Haiman & Sandra A. Thompson (eds.). Clause Combining in Grammar and Discourse, Amsterdam; Philadelphia, pp. 349–428.
15. *Paducheva E. V.* (1977), On derived diathesis of nominalizations in Russian [O proizvodnyh diatezah otpredikatnyh imen v rusском jazyke], in: Problems of linguistic typology and language structure [Problemy lingvisticheskoi tipologii i struktury jazyka], Moscow, pp. 84–107.
16. *Paducheva E. V.* (2009), Possessives and manner of action nouns: corpus based exploration [Posessivy i imena sposoba dejstvija], Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference «Dialogue 2009». Issue 8 (15), Moscow, pp. 365–372.
17. *Paducheva E. V.* (2010), Argument structure and diathesis of nominalizations [Aktantnaja struktura i diateza otglagol'nogo imeni], Научно-техническая информация. Scientific and Technical Information. Series 2. Information processes and systems [Nauchno-tehnicheskaja informatsija. Ser. 2. Informatsionnye protsessy i sistemy], № 6, pp. 24–30.

18. *Pazel'skaja A. G.* (2008), Derivation of nominalizations and argument transformations in Russian [Образование отглагольных существительных и актантные преобразования в русском языке], in: *Dynamic models: Word. Sentence. Text [Динамические модели: Слово. Предложение. Текст]*, JaSK, Moscow, pp. 634–645.
19. *Rappaport, Gilbert C.* (1992), On the adnominal genitive and the structure of noun phrases in Russian and Polish, in: *Linguistique et Slavistique. Melanges offerts a Paul Garde*. Eds. M. Guiraud-Weber, C. Zarembo, Paris, pp. 241–262.
20. *Rozwadowska B.* (2000), Event Structure, Argument Structure and the by-phrase in Polish Nominalizations, in: *Lexical Specification and Insertion*. Eds. P. Coopmans, M. Everaert, J. Grimshaw. Amsterdam; Philadelphia, pp. 329–347.
21. *Rozwadowska B.* (1988), Thematic Restrictions on Derived Nominals, *Syntax and Semantics 21: Thematic Relations*. Ed. W. Wilkins. Academic Press, San Diego, CA, pp. 147–66.
22. *Rozwadowska B.* (1997), Towards a unified theory of nominalizations. External and internal eventualities. Wrocław.
23. *Tikhonov A. N.* (1987), Morphology [Морфология], in: *Modern Russian, In 3 p.* P. 2. N. M. Shanskij, A. N. Tikhonov. Word-formation. Morphology [Современный русский язык. В 3 ч. Ч. 2. N. M. Shanskij, A. N. Tikhonov. Словообразование. Морфология], Moscow.